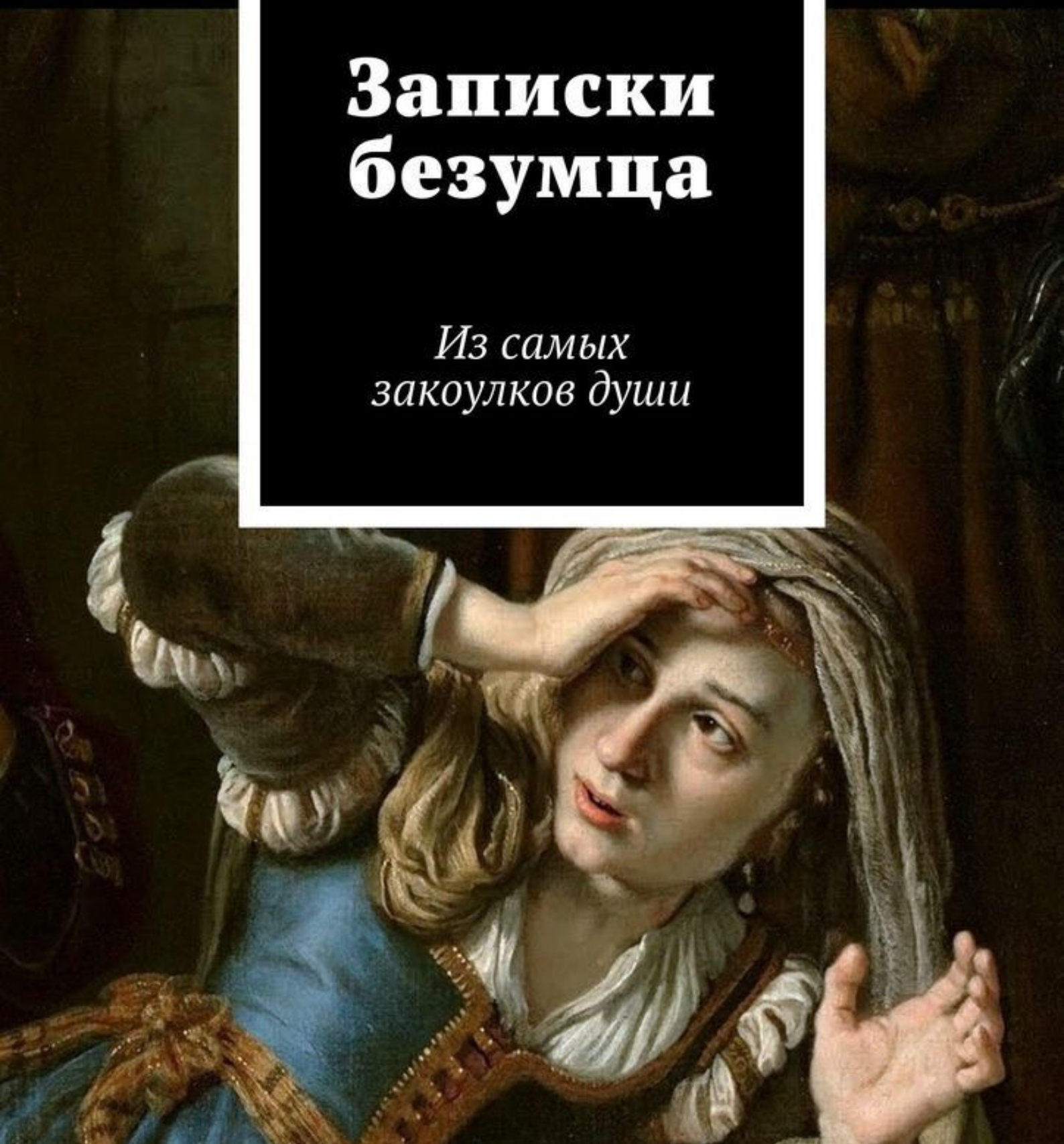
18+

Павел Смертин

Записки безумца

Из самых закоулков души

Павел Смертин

Записки безумца. Из самых закоулков души

«Издательские решения»

Смертин П.

Записки безумца. Из самых закоулков души / П. Смертин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939664-8

Не ищите в этой книге возвышенных слов о любви и жизни. Здесь этого нет. Это история моей бесславной юности и многих лет, проведенных впустую. Лет, наполненных безысходностью, отчаянием и алкоголем, от которого я и по сей день пытаюсь скрыться. Всю свою жизнь я стремился к свету и хотел жить и жить хорошо. Но судьба решила все иначе. На мою долю выпала нищета и весь тот ужас, что идет рядом с ней…

ISBN 978-5-44-939664-8

© Смертин П.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 9
Глава 4 12
Глава 5 14
Глава 6 16
Глава 7 18
Глава 8 20
Глава 9 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Записки безумца
Из самых закоулков души

Павел Смертин

© Павел Смертин, 2018

ISBN 978-5-4493-9664-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Внимание! Все события данной книги являются вымыслом автора! Любые совпадения с реальными людьми, местами и событиями случайны. Автор не имеет цели кого-то оскорбить содержанием книги. Если Вам нет 18 лет, не читайте эту повесть!

Не ищите в этой книге возвышенных слов о любви и жизни. Здесь этого нет. Это история моей бесславной юности и многих лет, проведенных впустую. Лет, наполненных безысходностью, отчаянием и алкоголем, от которого я и по сей день пытаюсь скрыться. Всю свою жизнь я стремился к свету и хотел жить, и жить хорошо. Но судьба решила все иначе. На мою долю выпала нищета и весь тот ужас, что идет рядом с ней…

Глава 1

Петля медленно качается из стороны в сторону. Я снова один, сижу и думаю о том, как мое тело качалось бы в этой петле. Расстояние до потолка невысокое. Если я встану на табуретку, просуну голову в петлю, то когда табурет окажется выбит, моя шея не сломается. Меня ждет еще несколько отчаянных попыток вдохнуть воздух, прежде чем мои глаза покраснеют, а сердце остановится из-за отсутствия воздуха, или же напряжения…

Прекрасная мысль, но кто знает, может в этот последний момент мне снова захочется жить. Я для себя давно решил, что если моя жизнь не изменится в лучшую сторону, то я застрелюсь в 27 лет. Идеальный возраст для самоубийства. Еще молод, но не юнец, но и еще не зрелый, без семьи, без детей. Никому ничего не должен. По крайней мере, не оставишь после себя безотцовщину. Все же, мне нужно написать как минимум еще одну книгу. Надо погрузиться в бездну своего безумия, а петля пусть ждет. В конце концов, жизнь лишь путешествие к смерти. Ну что же, начнем!

Вы когда-нибудь мчались навстречу неизвестности, гоня своего железного коня, что есть сил? Двигатель ревет, салон трясется, а позади неизбежно остается километр за километром? Довелось вам прочувствовать аромат скорости, ощутить всю прелесть механики? Бросалась ли вам в лицо пыль от пройденного пути? Если нет, ты вы многое потеряли. Ведь только в этом момент человек чувствует полную свободу и всецело отдается своим животным инстинктам! Это жизнь! Адреналин способен придать жизни огромный спектр самых разнообразных красок!

Вот и снова прошел самый обычный день. Один из тех, что случаются в жизни большинства людей из года в год. Это серые дни, полные ненависти, зависти и нелюбимой работы. И так снова и снова, пока твой организм в конец не износится от стресса, напряжения и нескончаемого потока усталости.

Так и я живу, и мне от подобной участи не скрыться. Уже около трех лет я большую часть своего времени провожу в четырех стенах завода, принимая это как должное. Вот уж нет! Я никогда не хотел вести такую жизнь! Да и что я могу сейчас изменить? Заработная плата, которой меня награждают за труд, средняя по этой мерзкой проклятой области. О, я думаю, многие со мной согласятся в данном утверждении. И если центре творится такой кошмар, то трудно и представить, что твориться в отдаленных регионах. Свою работу я не люблю, да и кто может вообще любить работать, причем тут речь о работе в целом, где бы то ни было? Ответ прост. Только на голову больной человек с мышлением раба. Но при всем этом, я испытываю благодарность по отношению к работодателю, так как понимаю, что в моем положении, отсутствие работы означает голодную смерть на улице – печальная участь бродячего пса. И я, конечно, понимаю, что отдаю самое дорогое – свое время. Как жаль, что большинство людей не понимает таких простых вещей, что мы все имеем равные права, и что надо помогать друг другу…

Любовь к Родине, как к малой, так и великой, давно умерла во мне, как и в большинстве живущих здесь людей. Уж не знаю, капитализм и коррупция разделили людей на бедных и состоятельных, или же люди сами загнали себя в такое положение. И я не знаю, как обстоят дела в других странах, я там не был и тем более не жил, так что судить об этом не мне. К моему большому сожалению, мне не довелось родиться хоть в сколько-нибудь состоятельной семье. Детство я провел в наполовину развалившейся лачуге, каждую зиму пытаясь выжить и не замерзнуть к чертям! А перед моим лицом вновь и вновь пробегали образы новоявленных отчимов, упившихся до кондиции алкоголем.

«Сейчас мне дали отпуск. Я сижу перед ноутбуком в квартире своей женщины, а слова льются из меня рекой. Что и говорить, я не писал около трех месяцев и сейчас мысли в моей голове снова требуют выхода. Они подобны безудержному вихрю, который необходимо напра-

вить в одно направление, иначе тебе ждет безумие» – именно так я хотел начать свою историю, но время быстротечно, теперь женщины у меня нет, и единственная моя подруга сейчас – толстая веревка с петлей на конце, свисающая с потолка…

Глава 2

Эта история началась со мной с того момента, как я осознал, что жизнь сурово врезала мне по яйцам с самого рождения. Мне тогда было всего восемь лет. К тому времени прошло два года с тех пор, как моя семья – моя неполная семья, состоящая из мамы, брата и меня, переехала в одну из самых богом забытых дыр во всем мире – деревню Дурынь. И я там рос и жил большую часть своей сознательной жизни! Такой ужас и представить себе невозможно!

Первое время с нами жила моя прабабушка – та еще старая стерва! Каждую ночь она вечно что-то кричала в приступах маразма и не давала никому спокойно отдыхать. Ситуацию усложнял полоумный братец, вечно издевающийся над более слабым мною. Каждый день эта сволочь не пропускала момент, чтобы ударить меня, пнуть, и все в этом роде. И только в 13 лет я начал отбиваться от этого кретина кочергой, что дало свои плоды. А уж белые горячки отчима, с которым моя мать познакомилась к тому времени, это как отдельная история! Этот придурок часто бегал под окнами полностью голым, выкрикивая самую разнообразную ругань, и так случалось снова и снова.

Пожалуй нет. Я стал таким, каким стал, еще раньше. Мне было пять лет…

В то время моя мать еще жила с моим настоящим отцом – той еще сволочью, отсидевшей в тюрьме и падкой на припадки. В одну из ночей этот человек напился больше обычного и приперся домой в пьяном угаре в начале второго ночи. Такой вот подарок моей многострадальной матушке. Мама, конечно, оказалась пускать его в дом. Но этот осел завелся. Тварь возомнила себя героем перед беззащитной женщиной с двумя маленькими детьми.

Я проснулся в ту ночь от ужасных криков и выскочил из своей комнаты. То, что я увидел, отложило отпечаток на моей психике. Пьяный отец-ублюдок держал в руке осколок стекла и хотел зарезать мать, при этом он дико кричал, полностью обезумев от паленого дешевого пойла.

– Убью, сука!

Моя мама воистину героическая женщина, хоть ее судьбу и поломал этот ублюдок. Я помню, как в ее руке оказалась тяжелая сковорода. И вот, когда этот больной ублюдок кинулся на нее, моя мама врезала ему сковородкой прямо по его озверевшей роже. Мой отец повалился на пол, как мешок, набитый дерьмом. Я помню, как затрясся пол при его падении. Помню, как из его окровавленного рта вылетело несколько зубов. Тогда, глядя на все это, я ликовал. А мама выволокла этого алкаша за дверь и бросила на улице как вонючего бродячего пса.

С тех пор моя мама с отцом не жила…

Я помню одно утро, что было в том же году. Я проснулся с первыми лучами солнца. Я спал в комнате один, а когда проснулся и собирался вставать, взглянул в окно. И тут я увидел его. Я не знаю, что это было, и было ли это вовсе. Посередине комнаты стоял мужчина в белом длинном одеянии, похожем на платье. Я помню его черно-коричневую бороду, висящую с подбородка, и длинные волосы, спадающие на плечи. От этого мужчины исходило сияние, словно где-то внутри него сияла огромная лампочка. Не уверен, но кажется, я даже заметил тогда крылья у мужчины за спиной. И мужчина произнес:-Идем со мной.

Я сильно испугался… Не удивительно, тогда мне было всего 5 лет. Я спрятался од одеялом и заплакал. Я не знаю, сколько прошло времени, но когда я решился скинуть с себя одеяло, неизвестного мужчины уже не было. И по сей день я его больше не видел.

Было ли это на самом деле, или все это сон? Спустя столько лет я уже не могу ответить на этот вопрос.

Глава 3

Подростковая жизнь казалась мне самым настоящим адом. В этом возрасте со мной произошло несколько случаев, заставивших меня полюбить одиночество.

О школе даже говорить не стоит. Со мной учились довольные дети. Их любили, им угождали, и у них было все то, чего не было у меня. Я завидовал им, я чувствовал себя не полноценным в их обществе. Каждый день я с нетерпением ждал окончания занятий, чтобы уйти из серых мрачных стен школьного здания, словно меня там никогда и не было. И так продолжалось год за годом. Пока, наконец, я не возненавидел школу и учителей. Я знаю, что меня считали фриком и даже психом.

Я таким и был.

Мне не нравилась реальность, в которой я живу. Не нравилась бедность и постоянное окружение алкашей, и я начал искать спасения. Спасением от реальности для меня стали книги и фильмы. Больше всего я любил ужасы. Смотря очередной ужастик, я постоянно болел за маньяков и психопатов. Для меня они стали олицетворением моего желания уничтожить все вокруг. Я хотел, чтобы всем людям было также плохо, как и мне, а может даже хуже. И псих с ножом в руке с экрана телевизора мне виделся героем. Ведь он выпустил свою ярость, сделал то, о чем я мечтал и не решался.

Не раз моя фантазия рисовала картины, как я убиваю тех, кто меня обидел. Больше всего мне хотелось взорвать школу и расстрелять каждого, кто попадется мне на пути. Однажды я даже ходил к школьному психологу и сказал, что меня тянет вершить насилие, на что она лишь дала мне какую-то книгу по саморазвитию. Я осознал свое болезненное влечение, и пришлось бороться самому. Из одной крайности я перешел в другую. Меня тянуло творить зло, и я начал искать добро. Во всем. Эта была моя ошибка.

Мое окружение приняло доброту за слабость и сверстники стали дразнить меня. Я не обращал на них внимания. Я понимал, что могу убить кого-то из них, если полезу драться – ведь мне этого очень хотелось! Да уж, прекрасная ложь. Оглядываясь сейчас назад я понимаю, что был тряпкой и размазней. А каким я еще должен был быть, ведь у меня не было отца-человека, который должен был сделать из меня мужчину, и сказать, что единственное средство общение с дегенератами – дать по жбану как следует! Впрочем, в моем желании убить их всех нет вымысла. Помню один эпизод, ставший для меня чем-то вроде предупреждения, что по не осторожности можно кого-нибудь убить. Мне было 6 лет и я бросил кирпич в одного парня, на пять лет старше меня. Камень раздробил ему переносицу. Я думал, что он умрет. Но больше всего меня удивило то, что я оставался спокоен при этом. Но тени сожаления или страха. Словно так и должно быть.

В те годы я начал курить и пить. Все начиналось с небольших доз алкоголя, как правило, с пива. С более старшими сверстниками я научился пить и крепкие напитки. Если вы спросите, чем развлекается молодежь в деревнях, я вам отвечу:-Поголовно пьют.

Я побил двух парней, частично выплеснув ярость, и меня перестали дразнить. Но я решил всех оттолкнуть от себя. Когда компания собиралась вместе, я начинал нести самую откровенную дичь, и наконец, меня перестали звать в компанию. Я остался один, как и хотел.

Помню наши драки так, словно они были только вчера. Стоял осенний вечер, я, двое парней и две девушки бесцельно бродили по деревне, стараясь найти хоть какое-то развлечение. Один из парней – Санек, стал меня задевать и оскорблять. Началась словесная перепалка. Этот кретин даже не думал останавливаться, и тут я впал в ярость. Это было порывом безумия. Я бросился на него, врезал по его роже, схватил за шею и повалил. Я хотел уничтожить его полностью, содрать с него кожу, выдернуть его внутренности и наслаждаться его агонией. Но вместо этого, я лишь сильнее сжал его шею, продолжая молотить кулаком по его ехидной

роже. При это я кричал, что убью его. И этому были причины. Три месяца я терпел от этого дегенерата оскорбления, но тут моя чаша переполнилась. Будь в тот момент в моей руке нож, я бы с удовольствием перерезал его глотку. Я бил и бил, и он, наконец, сдался…

Прошло несколько недель. Оскорбления в мою сторону прекратились. Но тут другой парень снова начал меня морально унижать. Все также стоял осенний вечер, за тем лишь исключением, что уже ощущался легкий мороз. Мы сидели в компании из дюжины человек у друга на террасе, пили пиво, курили и играли в карты. Парень, что начал меня задирать, был на полторы головы больше меня и физически крепче. Он оскорблял меня, я сидящие вокруг люди, которых я считал друзьями, лишь смеялись на до мною. В один из моментов я вскочил со стула (я как раз сидел за столом) развернулся и ударил того парня по лицу. На этом я не остановился и принялся бить вновь и вновь. Я нанес с десяток ударов, а тот парень лишь отшатнулся. Я прекратил бить, но Серега, так звали того парня, не стал продолжать драку. Он пожал мою руку, не смотря на то, что у него по лицу текла кровь. И тогда он произнес:-Все правильно, я виноват, сам напросился.

И я проникся уважением к этому парню, и он ко мне тоже. Прошлые обиды оказались забыты. Несколько недель этот парень ходил с побоями на лице, а я полностью прекратил общение с так называемыми «друзьями».

Больше всего в школе меня бесил один умственно отсталый парень, с которым я учился в пятом классе. Его звали Костя. Этот придурок бил меня по голове и обзывал, в ответ я делал тоже самое. В итоге мы постоянно дрались, но знаете, как дерутся дети – обмениваются легкими ударами, пинаются и борются. Этот парень был настоящим животным, больше напоминающим собачку. Надеюсь, сейчас этот мерзкий ублюдок издох.

В подростковые годы я терзал себя мыслями о добре и зле, и часто думал об этом. Я даже пробовал исповедовать язычество и буддизм. Но все это всего лишь сказки, как и основная религия в этом регионе. От христианства я отказался будучи ребенком. В те времена я часто взывал к Богу, но он не отвечал и ничем не помогал мне. И тогда я взглянул на себя со стороны и осознал, что выгляжу как дурак, больной шизофренией. А уж когда в мои руки попала библия и я прочитал ее, то в моем сердце не осталось больше места для религии.

Тому, кто не был нищим выродком, не понять того отчаяния, что охватывает в этой ситуации. Со своего сознательного детства я жил в лачуге (домом этот сарай назвать никак нельзя), и меня окружали алкаши. Это было сущим кошмаром. В результате я замкнулся в себе, и готов был наложить на себя руки. И если бы не творчество, я именно так и сделал бы. Даже сейчас, когда ужасное детство осталось позади, я часто ловлю себя на том, что планирую собственный суицид, рассуждая о том, что быстрее и без боли отправит меня на тот свет. И лишь возможность ТВОРИТЬ – писать, дает мне надежду и держит меня в этом мире…

Несмотря на это, будучи подростком, я часто искал то, что можно будет назвать добром.

Как-то я практически не выходил из дома все лето, занимаясь только чтением книг, рисованием и писательством. Я написал несколько рассказов, несколько глав романа, и не меньше десятка стихов. Мое окружение считало меня странным. И да, за те три месяца я отожрался как боров и стал похож на него.

Это было перед шестым классом.

В тот год я впервые столкнулся с головной болью, которая не отпускала меня практически никогда в течение восьми ближайших лет. Когда твоя голова болит, все вокруг теряет значение. Тебе не важно, кто вокруг. Тебе не важно, что говорят люди. Единственное что для тебя важно, так это то, чтобы эта адская боль прошла.

От головной боли я нашел только одно лекарство, и как не странно, им оказалась моя собственная голова. Я нашел спасение в своей фантазии, и я начал жить сразу в нескольких мирах, и, порою, становилось трудно определить, какой из них настоящий. Но в тех, других

мирах было только то, что хочу я сам, в отличие от этого, называемого реальностью. Здесь была только нищета, сплошной алкоголизм и отсутствие надежды на достойную жизнь.

Жизнь в деревне – это уметь убить скот, когда это необходимо. И мне приходилось это делать.

Жизнь в деревне – это жизнь в окружении стариков, умирающих довольно часто. Так что лица трупов для тебя становятся привычным делом.

За десять лет я видел не меньше десятка мертвецов. Среди них, к моему большому сожалению, были два двоюродных брата. Я привык к тому, что люди умирают, и это естественный порядок вещей. Мир для живых, и не стоит беспокоить мертвецов. Кто умер, того не вернуть, и единственное, что остается, это жить дальше…

Глава 4

«Я впервые ощутил женщину уже совершеннолетним. Я гулял с компанией ночью, и ко мне пристала одна местная шалава, на пять лет старше меня. Не знаю, чем я ее привлек, может ей захотелось чего-то невинного, или же она решила переспать со мной на спор. Кто знает? Женщина всегда загадка, а уж тем более когда она местная напившаяся шлюха.

Она меня совратила.

Я помню, как она встала раком, а я стянул с нее трусы. Тогда мои пальцы впервые коснулись ее гениталий. Мне показалось, что там слишком склизко. Но, тем не менее, я вставил ей. Сказать, что это было волшебно, я не могу. Ее киска была продолблена, словно ее трахал конь. Тем не менее, я завершил прямо в нее, мы выпили пива и разошлись.» – Забавна история, не так ли? Эту историю я рассказывал всем тем людям, с кем заходил разговор о сексе. На самом деле все было иначе и рассказать об этом я еще не готов…

В 18 лет я угодил в армию – последний надежный оплот рабства в современном мире. Солдат это не человек. Солдат – пушечное послушное мясо, обязанное исполнять приказы людей самого разного сорта, что именуются офицерами. И люди эти в большинстве случаев страдают манией величия и собственной важности. Годы промывания мозгов сделали из них послушных кретинов, готовых отдать жизнь на пузатого дядю, и ненавидящих людей, что избрали путь не подчинения, а более менее свободной жизни, насколько это вообще возможно в современных реалиях государственного аппарата. Разумеется, это утверждение не обо всех. Армия нужна для защиты и нападения. Только пусть убивает на фронте тот, кто сам избрал для себя этот путь, а не простой вчера еще школьник, брошенный, подобно углю, в печь военной машины. Иными словами, я полностью за контрактную амию.

Я тогда закатил проводы. К счастью, моя головная боль к этому времени уже год как прекратилась. В этот год я ловил рыбу и продавал. А еще я стал любителем выпить крепких напитков, и самым любимым тогда был коньяк (к тому времени я еще не пробовал виски). В этом же году я пробовал поступить в институт на бюджет, но с треском провалился. Последние три месяца я работал в охране.

В те года был довольно крупным и хорошо сложенным. Да и моя почти лысая голова выглядела лет на 30. Я, и еще пятерка мужиков, ездили в Москву. В одном из торговых центров нам предстояло отрабатывать свою смену. Большую часть времени мы ходили туда-сюда, вокруг здания, смотря чтобы никакой кретин не обоссал угол или не предпринял попытку вандализма. В торговом ряду, где азиатские девочки торговали косметикой, мы стояли напротив выхода и смотрели за тем, чтобы никто ничего не украл. Не пыльная работенка, учитывая, что ты постоянно куришь и ничем толком не занимаешься. За одним большим минусом – спать приходилось в подвале под лестницей, на хрупкой кровати-раскладушке.

В этом торговом центре была контора, где посетители делали ставки на спорт, курили, пили пиво и смотрели прямые трансляции матчей на больших плазмах. На их удовольствие плазмы были развешаны по две на каждой стене. Когда смена оканчивалась, сменившийся охранник мог позволить себе выпить пива в этом заведении. Разумеется, мужики постарше, что отработали здесь по несколько лет, приловчились пить практически где угодно и старший по смене закрывал на это глаза. И им всегда это сходило с рук.

Мне нравилась одна продавщица, уроженка средней Азии. У нее было восхитительное имя, что-то вроде Изумруд. Я не раз втайне мечтал оттрахать ее за прилавком этого же магазина. У нее было тонкое тело, большая грудь и налитая задница. Она всегда одевала одежду в обтяжку, чтобы подчеркнуть свои формы. Когда она проходила мимо, я смотрел на нее и думал о том, что какой-нибудь парень из ее аула давно уже купил ее за десяток баранов у родителей. Сейчас она здесь работает, выставляет на показ свое лицо и тело. Но стоит ей

приехать домой, как она тут же надет паранджу, и окунется в омут семейной жизни. Кто знает, может она будет в тайне мечтать о том, чтобы вновь выставить свое хозяйство на обозрение?

Эта дама всегда ходила с толстенным слоем косметики на лице. Однажды я увидел ее не накрашенной, и после этого мое желание обладать ею заметно угасло…

Вот и наступил день моих проводов в армию. К этому времени у меня уж у не было никого, кого я мог назвать другом. Нет, все же был и есть определенный круг знакомых, но я их тогда к себе не звал. К тому же, все они были далеко в этот день. Кто-то на заработках в той же охране, а кто-то жил в другом городе, приезжая в эту дыру только на летние гулянки.

Глава 5

Армия. Ах сколько ненависти во мне просыпается, когда я слышу это слово. Сколько дней и ночей, полностью лишенных смысла, я провел в этом месте…

Я помню как меня разбудили в пять утра на следующий день после моих проводов. Мое самочувствие было ужасным, голова болела, и единственное что я хотел сделать, так это спать дальше. И не удивительно! Минувшим вечером я выпил огромные количество дерьмового алкоголя. В основном это была водка и, хоть я и закусывал усердно, тем не менее это меня не спасло. Последнее что я помню, так это то, что приехал Стас – брат сожителя моей тети. Он сразу же налил мне полулитровый стакан водки, и, используя аргументы касательно того, что теперь я должен быть мужиком, а мужики пьют именно из таких бокалов, буквально заставил меня выпить этот бокал залпом. И все… Я отключился…

Я встал, оделся, выпил рюмку и запаниковал. Мне не хотелось ехать черт знает за чем, черт знает куда, и черт знает для чего. И да, что мне предстояло делать в армии? Защищать страну? Ха, да что за бред. Единственное чему учит армия, так это подчинению и терпению. Тем более, если это служба в никчемных войсках обслуживания.

Мы поехали на внедорожнике «Патриот». Ден сидел за рулем, а мама сидела на сидении рядом с водительским. Я же сидел сзади и у меня была выпивка. Алкоголь помогал отогнать отчаяние и страх и мне уже было на все наплевать. Впереди ждала бездна неизвестности, а единственное что я хотел, так это то, чтобы поездка не заканчивалась. Так и колесил бы до скончания времен попивая пиво и ожидая конца света…

Мы приехали. Наступил момент прощания. Я обнялся с матерью, обнялся с Деном. Помню, как даже подумал о том, что Ден для меня как отец, которого у меня не было. Что не говори, а любому парню нужен отец, особенно в период взросления. Это тот человек, который поможет советом, поддержит в трудную минуту, а скажет как жить дальше. Если такого человека нет, то растет безотцовщина вроде меня – без целей, без поддержки и никогда не взрослеющая. Вечный ребенок, боящийся окружающего мира. Лишь единицы осознают свою ущербность и пытаются что-то изменить. Хорошо хоть, что я это сознал, не то спился бы, стал преступником или наркоманом. Именно поэтому я решил, что никогда не буду заводить детей. Смотря назад, в пучину воспоминаний, я понимаю, что моя жизнь была ужасна, и желать кому-то такую же жизнь я не хочу.

У военкомата собралось около трех десятков парней. Все как один пушечное мясо, с тревогой озирающееся по сторонам и отпускающее дерьмовые шутки, пытаясь смехом отогнать реальность. Большую часть парней погрузили в автобус, а остальных, в числе которых оказался и я, загрузили в газель. В за пазухе я держал бутылку дешевой водки, любезно подаренной мне Деном, и всю дорогу только и думал о том, как ее выпить. Ведь не прошло и часа поездки, как мне стало безумно дурно.

Нас привезли в центральный военкомат Рязани, и оттуда предстояло распределение по частям. Самое уморительно во всем этом то, что когда все те парни, которых обязал закон явиться в это проклятое место, чтобы направиться неизвестно куда и даже, возможно, что и умереть, должны были сами заходить в кабинет к офицерам из разных войск. Тогда-то все эти парни представляли себя как товар, который можно взять в войска. Черт, вот такая иллюзия свободного выбора. Да дайте мне тогда выбор, я бы в армию не пошел. Хотя нет, выбор был, только был он между рабством в армии и клеткой тюрьмы за уклонение от службы.

Заходить в кабинет к офицерам я не торопился. Так и прошел один день в стенах военкомата. Мне было плохо, я не ел весь день и все происходящее казалось кромешным адом. Уже вечером, когда я уже перестал надеяться, нас – десяток парней, еще не разобранных офице-

рами по частям, накормили. Нам выдали форму, забрали одежду и проводили в первую в моей жизни казарму. Начинался годовой кошмар.

Что сказать об годе армии? Тоска, безысходность и отчаяние, которым нет конца. Каждый, кто там был, испытывал именно эти чувства. На второй день нахождения в военкомате, я все же зашел в кабинет к офицерам. На меня посмотрели как на мясо, и спросили лишь о том, как я переношу холод и умею ли обращаться с лопатой.

Нас отвезли в военном грузовике на железнодорожный вокзал Рязани, и посадили в электричку до Москвы. И уже там, наконец, мы сели на поезд до Архангельской области…

Глава 6

Когда поезд прибыл в Архангельскую область, мы уже успели прокурить купе и даже выпить, хоть и не много. Один из парней умудрился протащить с с собой в поезд маленькую бутылку водки, и мы ее ночью распили.

Нас вывели и поставили в строй. Все парни с ненавистью и тревогой в глазах. Еще бы! Нас выдернули черт знает куда и черт знает для чего. Наступал возможно самый бестолковый год моей сознательной жизни. Впереди ждала учебная подготовка, бритье на лысо, присяга и распределение по частям. Но сначала нас привезли в санчасть и провели осмотр, словно всех предыдущих медицинских проверок было не достаточно. Это было самое отвратительное зрелище в моей жизни. Нас выстроили в ряд и заставили раздеться до гола. Вы представляете, какая поднялась вонь! Только пять минут назад все мы прели в тесном грузовике на протяжении часа, а теперь нас заставили раздеться! Мерзость!

Уж не знаю, но возможно, с врачами проводившими осмотр что-то не так. У меня возникло ощущение, что они конченные извращенцы. Серьезно, нас осматривали двое человек – врач и медсестра. Первый – мужчина, вторая – женщина. Когда же мы разделись, они приблизились к нам, и начали пристально рассматривать, при этом по долгу задерживая взгляды на гениталиях. У меня и еще у нескольких парней, они даже повертели член в руках, желая что-то найти или еще из каких-либо извращенных побуждений. Хорошо хоть что на их руках в тот момент были перчатки. А у некоторых врач пристально рассмотрел задницу. Черт, не берусь утверждать, но, возможно, он скрытый или тайный гомосексуалист. Когда нам дали команду одеться, я был искренне счастлив.

Медосмотры одна из самых отвратительных вещей в армии. Каждый вечер, на протяжении всего года, за исключением тех случаев, когда ты в наряде, тебе необходимо полностью оголиться в строю. Нас осматривали как женщины, так и мужчины. Некоторые из них были офицерами, а некоторые медицинскими работниками. Конечно, нам всем объяснили для чего это нужно. Не так давно в армии царили ужасная дедовщина, и военнослужащие постоянно дрались, причем и умирали довольно часто. В век открытого информационного пространства это дискредитировало войска в глазах граждан и люди перестали хотеть идти туда. Именно поэтому, за малейшее нарушение уставных взаимоотношений между военнослужащими стала ждать гауптвахта, нахождение в которой не считалось сроком службы.

Сначала нас побрили, тем самым лишив индивидуальности, клеймо раба нас ждало после присяги с присвоением номера. Началась подготовка. В этом военном городке все казалось не настолько плохим. Но черт возьми, какими же долгими мне показались первые две недели! Особенно напрягал подъем в 6 утра. Как только встал, сразу оделся и бежать. И так снова и снова. Нас учили заправлять кровати, смотреть за чистотой формы и обуви. После завтрака нас ждала строевая подготовка и чтение устава.

Со мной было несколько парней, что старались хоть как-то отогнать от себя происходящий кошмар, прячась за прочной маской шуток и подколов. Нормальные парни, в-общем. Но шутки быстро сошли на нет, когда за нарушение дисциплины стали запрещать курить всей роте. Чертовы кретины!

На присягу ко мне никто не приехал, да и никто и не мог. Я был в чертовой заднице на другом конце страны. А в это время как раз повалил снег. В Архангельской области снегопад не такой, как в центральной части страны. Там снег если уж пошел, то он не остановится в течение дня. Снежинки крупные как хлопья, и снег валит стеной да так, что на несколько метров впереди ни черта не видно! Нет ничего удивительного том, что значительная часть моей службы прошла с лопатой в руках. Бывало так, что снег наваливал за ночь сугробом в чело-

веческий рост, так что приходилось буквально откапывать себе, а за одно и всей роте, путь в столовку или на плац.

Приняв присягу, я официально стал государственным рабом. Помню, как с парнями обсуждал, можно ли не принимать её. Казалось бы, присяга дело добровольное, но нет же. Отказываясь от неё автоматически становишься уклонистом от обязанности военной службы. И что тогда? Арест. После двух недель подготовки нас разобрали по частям. Меня и еще нескольких парней, с которыми я, кстати, не ладил, отправили в чертов лес. Именно там расположен космодром. По приезду командиры подразделений разобрали нас как горячие пирожки. Стоит сказать, что в это же время привезли парней из других областей. Я попал в «Узел связи». Что примечательно, за весь год мне так ни разу и не удалось посидеть за соответствующей аппаратурой. Мне достался плац, казарма, бег, наряды, и теория в учебном классе, от которой безумно хотелось спать, особенно после всей той беготни, что ей предшествовала. Начался ад.

Старослужащие встретили нас с явным презрением. Те еще ублюдки. В большинстве своем это были маменькины сынки, отслужившие больше нас на несколько месяцев. Были среди них и довольно неплохие ребята, но и они держались имиджа бывалых вояк. Среди них я могу выделить двух жирный скотов, борзого якута и несколько полоумных ослов. Попадись они мне сейчас, я бы без колебаний затеял с ними драку. А будь у меня при этом оружие, черт, да я замочил бы их не раздумывая…

Драк не было, почти. Мы ругались постоянно, сыпля друг на друга оскорбления. Все усугубляли сержанты. Эти парни были одним с ними призыва. И где-то они и придерживались справедливой оценки конфликта или прохождения службы, но в основном же они потыкали тем, кто вместе с ними начал службу, с некоторыми из них явно успев сдружиться. Мы были разрознены, я думаю, именно в этом и был наш заведомый проигрыш. Да что сказать, мы не знали друг друга, а общий язык найти оказалось очень тяжело. Каждый из нас был фриком и изгоем. Тем не менее, меня трогали редко, задирая словесно и провоцируя на конфликт. Я давал отпор и перепалка оканчивалась словесными ругательствами.

Были у нас и свои радости. Дороже всего ценились сигареты. В части полностью запретили курение. Нам всем приходилось прятаться за углами и в старых развалившихся казармах, стоящих с пригодными для жизни по соседству. Даже десять месяцев моей службы простояла курилка на территории части, куда мы бегали периодически курить в вечернее время или ночью в нарядах. Но потом снесли и ее.

Пачку сигарет в части можно было продать в три, а то и в пять раз дороже стоимости в магазине. Некоторые даже наладили неплохой бизнес, заказывая в посылках блоки сигарет, а затем распродавая в части. Стоимость зависела от общего дефицита сигарет на территории. Если продает несколько человек, или же довольно много военнослужащих получили сигареты по почте, то стоимость снижалась. Но были и те дни, когда на всей части торговал только один человек. Вот тогда-то стоимость и была в пять раз дороже. Тем не менее, в период первых семи месяцев покурить три раза в день считалось большой удачей. И еще к радостям можно отнести сладости, которых хотелось безумно, сон и занятия в качалке, в которой можно было выплеснуть отчасти скопившуюся злость. Так мы и жили весь сраный год, ненавидя себя и весь мир.

Глава 7

Со мной в часть попали и парни из Татарстана. В большинстве своем это были нормальные адекватные ребята. Были среди них и нервные, горячие парни. Но особо мне запомнился парень по фамилии Замадуров.

Этот парень был показателем лени и глупости. Порой складывалось впечатление, что он специально не просыпался по утрам, плохо заправлял кровать и ходил походкой лютого раздолбая. И за каждый его косяк отдувались все. Нам приходил жать пол, пока она заправлял кровать, и каждый раз простынь демонстративно сдирали снова. Ему приходилось заправлять ее вновь и вновь, пока мы отжимались добрую сотню раз. И не удивительно, что этого парня возненавидел каждый из нас. Кроме всего этого, он еще и говорил плохо по-русски, так что объяснить ему что-либо было той еще проблемой.

Хотя нет, думаю, стоит уделить внимание еще нескольким парням…

Парень, призванный на несколько месяцев позже меня, родом из Курска. Вот это был еще тот кретин. Он носил фамилию Бучеев, отчего мы прозвали его «Букой». Хотя нет, это была не единственная причина. Этот парень был отвратителен внешне. Сам маленький, почти карлик, имеет соответствующий внешний вил, думаю знаете, тонкое лицо, похожее на рыло макаки, большие губы, непропорциональный череп. Картину добавляла его улыбка обезьяны. У него были выпученные глаза и торчащие зубы, с гнилью посередине. Сам по себе он был глуп и туп. Вот такой вот маленький чертенок. Он бесил всех, и каждый из пятидесяти человек подразделения хотел дать ему по роже. Только вот этого делать было нельзя. Но мы справлялись и словесно. Каждый из нас презирал его и всячески обзывал. Но этот тип был настолько туп, что не понимал оскорблений в свой адрес.

Еще один идиот – Непосранов. Его жирную рожу я не забуду никогда. Это был кретин высшего уровня. Таких дебилов я больше ни разу не встречал. Эта скотина была выше меня на голову, жирная и бестолковая. Его голос был скрипуч как смесь звука ржавой скрипки, и писклявого голоса ноющего младенца. Этот парень любил постоянно врать. Черт, да в первый же день прибытия на службу, он хвастался тем, что у него черный пояс по карате, и что, благодаря связям он откосил от десанта, хоть его туда и хотели забрать. Чертов придурок! Помню раз, слово за слово, мы с ним сцепились. Эта скотина ударила мне в нос головой, когда я этого совсем не ожидал. Но и я не медлил с ответом. Я всадил кулак в его сраную рожу, и тогда мы сцепились в борьбе. Нас вовремя разняли. Если бы не выходной и отсутствие офицера в подразделении, нас обоих ждал бы дисбат. А уж о дисбате я наслушался от своего друга Федора, который проторчал там полгода, и, как следствие, домой вернулся значительно позже и с клеймом судимости. Поняв, что в случае повторной стычки, нас обоих ждут неприятности, мы пошли на мировую. Быстро остановив кровь и застирав свои кителя, мы сделали вид, что ничего не было.

Я не буду описывать весь тот трындец года службы. Это были бесконечные наряды, строевые, и снегоуборочные лопаты. Казалось, это был ад, из которого не было выхода. С самого утра бег и так и носишься весь год. Хоть из автомата давали пострелять, правда, не так часто, как этого хотелось. Черт, да я был как космонавт, ведь войска назывались «Воздушно-космические силы». Только вдумайтесь! Да я должен был бороздить солнечную систему с бластером в руке, а не сидеть в наполовину развалившейся воинской части в жопе мира…

Спустя около полугода службы, в самом конце мая, военнослужащим по призыву предложили поступить учиться в воздушно-космическую академию. С этого дня моя служба начала меняться в лучшую сторону.

Нисколько не раздумывая, я согласился. И тут не было ничего необычного. Я молодой, за спиной только школа, а в той дыре, где я жил до армии, перспектив никаких. Да и когда еще представится шанс сгонять в Санкт-Петербург абсолютно бесплатно…

Глава 8

В армейском городке не было спокойствия. Я до сих пор ощущал себя в армии и кому-то обязанным. Да и что можно сказать об этом городке? Унылое место, где все жители вояки или персонал обслуживающий части. Полный кошмар. Впрочем, я заночевал в квартире у контрактника. Мы посидели, поболтали и выпили по паре пива. Утром я благополучно сел в поезд и отправился в самый прекрасный город, из всех, в которых мне довелось побывать в этой жизни.

Всю дорогу я только и делал, что спал. Дорога заняла целые сутки, но я никуда и не торопился. Подумать только, я ведь уже тогда создал в своей голове картину того, как поступлю учиться, буду жить в Питере и стану, наконец, человеком, который сможет помочь матери, да и, в целом, вытащит семью из нищеты. Я помню этот воздух, немного сырой, но в тоже время великолепный, с ароматом свободы и возможностей…

На вокзале меня встретили. Это был друг командира моего подразделения. Как я понял, они вместе с ним учились в этом же самом городе, в «Воздушно-космической академии имени Можайского», в которую планировал поступать и я.

Восхищение! Вот что овладело мною с самого вокзала. Всю свою жизнь я только и видел разруху вокруг себя, а полгода нахождения в лесной части и вовсе сделали меня дикарем, отвыкшим от цивилизации. Все же, времени наслаждаться открывшимся зрелищем у меня не было – мужчина сразу посадил меня на такси и отправил по адресу академии. По дороге я только и делал, что любовался городом – превосходными зданиями, дворцами, фонтанами и просто людьми. В этом городе люди не выглядели усталыми, замученными и полными ненависти. В их глазах горел дух авантюризма и жизни. Что же касается других городов, подобное я наблюдал только в Рязани, и то у некоторых молодых людей. Кто знает, может я всего лишь не попадал в места, где живут хоть сколько-нибудь состоятельные люди, лишенные бремени постоянного мышления по поводу того, где взять денег.

Водитель остановился у длинного пятиэтажного здания, у которого стоял парень в форме – обычный парнишка, лет 18-ти. Я предъявил ему документ из части, в котором содержалась информация о том, что я направлен сюда на обучение. Парень мне объяснил, что мне на третий этаж. Я прошел в здание. Первое что мне бросилось в глаза, так это огромная лестница. В ширину она была метра три, и в высоту примерно также. На каждом этаже, слева и справа от нее, расположились казармы для курсантов. Я это знаю потому, что поднявшись на третий этаж, я постучал в дверь справа. Мне открыл курсант, стоящий на тумбочке. Подумать только, а я и не знал, что курсанты тоже заступают в суточный наряд! Я сказал ему, кто я, и зачем здесь. Он же, в свою очередь, направил меня в дверь напротив.

Я зашел. В глаза мне сказу ударил сигаретный дым. Никого в наряде на было, ни дневального, ни дежурного. Царила полная неразбериха. Кто-то ругался, кто-то ржал, а курили все там, где только захотят. Я походил промеж комнат, не зная, в какую мне нужно зайти. Спустя около получаса появился какой-то лейтенант. Он мне объяснил, что здесь живут военнослужащие, приехавшие поступать учиться с воинских частей…

Там я пробыл неделю. Самое странное в том, что у каждого из находящихся там парней был на руках мобильный телефон, только вот розетки были всего в одной комнате. Чтобы яснее была картина могу сказать, что всего там было комнат двенадцать, в каждой по десятку парней, а в этой пустой комнате всего розеток десять. Шла жесткая конкуренция за каждую розетку. Чтобы зарядить мобильник необходимо было стоять и ждать в этой комнате, когда освободиться розетка.

На второй день уже назначали наряд. Но это было совсем не то, что на срочной службе. Единственной обязанностью наряда было сидение на стуле у двери. При этом каждый мог спо-

койно пользоваться всем, чем угодно. Со мной в нарчд попал один парень, у которого была на руках игровая приставка. Так что, мы сидели и играли, поочередно отлучаясь покурить в сортире. По утрам все бегали, потом ходили в столовую, и так день за днем. Кормили там отменно. Я уверенно могу заявить, что подобную пищу дают в ресторанах. А бегали мы по улицам Санкт-Петербурга.

И вот, спустя неделю, нас отправили в подготовительную базу за городом. О размерах базы я судить не могу, могу лишь сказать, что она была дьявольски огромной. Попав туда через пост, я не видел окончания ограды. В разных местах были разбросаны учебные корпуса, штабы, столовые и прочие здания. Меня и еще двух солдат зачислили в подготовительную роту, вместе с огромным количеством парней. В-общем, где-то человек пятьдесят. Все остальные поступающие парни были школьники и получившие среднее образование бывшие студенты. Курить нам не разрешали.

Время там шло весело. Мы готовились к вступительным экзаменам, бегали по утрам, смотрели телевизор и смеялись надо всем, происходящим вокруг. Я сдружился с одним классным парнем – Георгием, но все называли его Гошан. У нас были общие интересы. В частности, мы любили рок-музыку. От него я узнал, что раньше он играл в рок-группе. Вместе мы строили планы на дальнейшую учебную жизнь, как будем гулять по Питеру и клеить дамочек. Мы даже договорились, что каждый из нас должен трахнуть сотню баб за следующий год.

Кроме парней, учиться поступали и девушки. Каждый раз, когда нам доводились их видеть, каждый из нас невольно любовался ими, выискивая в толпе наиболее привлекательную. И все мы представляли, как однажды их трахнем, обсуждая с друг другом данный вопрос и заливаясь смехом от взаимных подколов. Мы все были юные глупцы, не знающие, что ждет впереди. Мы ходили строем в ногу и пели песни. В это трудно поверить, но довольно часто нам приходилось петь песню «Небо славян», что довольно удивительно, ведь поступали учиться люди разной национальной принадлежности. Что же, приказ старшего по званию никто не обсуждал, а мне самому нравилась эта песня еще до армии…

Конец приходит всему. И вот, меня отчислили. Я не прошел мед-осмотр. Что-то не так с кардиограммой сердца. Уж не знаю, так ли это на самом деле, или меня просто слили в угоду конкуренции на места. Ведь экзамены я сдал с хорошим результатом. Да, и стоит отметить один весомый факт – добрая половина поступающих парней были детьми офицеров. Я думаю, что не исключено и то, что в их сторону было больше поблажек, нежели в сторону простых парней вроде меня, приехавших поступать из чертовых дыр на карте страны. И вот, мне дали направление назад в часть, бумагу, по которой мне обязаны были бесплатно выдать билет на вокзале и отравили в путь.

Моей тоске не было предела. Это было одним из самых больших разочарований в моей жизни. Лишь тот факт, что я не один такой, хоть немного успокаивал. Выйдя за пределы базы, уже стоя на остановке, я познакомился с Лехой – парнем, которого также исключили, как и меня. Мы разговорились и пришли к выводу, что нам обоим просто необходимо выпить в городе. Так мы и сделали.

По городу мы гуляли весь вечер и добрую половину ночи. Это был прекрасный способ отвлечься от того, что мне теперь снова необходимо было направляться в чертову дыру, чтобы дослужить оставшийся срок службы. В одном из парков Петербурга мы пили Мартини, запивая его колой. Леха позвонил своей подруге и она пришла к нам. Это оказалась миниатюрная леди, приятной наружности. Я бы с ней с удовольствием переспал, но такое удовольствие досталось Алексею. Этот парень успел побывать во многих городах страны, и везде у него были знакомые. Ближе к полуночи он связался с еще одним другом, и мы зависли на квартире. Гулянка выдалась удачной, мы все напились и легли спать, кто куда добрался. А сквозь сон я слышал, как Леха уломал подругу на секс и последовали вздохи плотского наслаждения…

На утро мне было чертовски плохо. Когда мы проснулись подруги уже не было. Как мне сказал Леха, она уехала домой на такси. Нам тоже следовало собираться. В ближайшем магазине мы взяли по пиву, распили его и Леха проводил меня на вокзал. Попрощавшись с ним, я побрел за билетом…

Из этого города я уезжал полный тоски и разочарования. Впереди ждала неоконченная служба, ну, а я, всерьез подумывал о том, чтобы повеситься в этом мерзком поезде, чтобы лишь не возвращаться к рабской жизни в воинской части…

Глава 9

Снова эта чертова часть. Я прибыл в нее поникший и разбитый. Не хотелось жить. За время моего отсутствия многое поменялось. Дебилы, что мнили себя дедами, все отбыли по домам. Наступило наше царствие. Парни конечно удивились моему приезду, а многие даже расстроились тому, что не скатались, как и я, в Питер. Время пошло своим чередом и единственным человеком, кто бесил меня всю оставшуюся службу, остался лейтенант. Это был дебил еще тот. Совсем юный, старше меня всего на два года и меньше на полторы головы. Он ходил вдоль казармы походкой Кинг-Конга, а с солдатами разговаривал, как с дерьмом.

Не могу не сказать о нескольких дегенератах из более старшего призыва. Мне ужасно хотелось уничтожить каждого из них. Эти парни были обижены на жизнь. Их было четверо. Четыре жалких ничтожных осла, которые только вчера драили сортиры, а сейчас возомнили себя бывалыми вояками. Они постоянно хотели морально унизить и высмеять каждого из парней моего призыва. С ними постоянно приходилось ругаться матом и откровенно посылать их. Но были и морально слабые парни из нас, которые их слушались. Я просто слал их поскакать на половой орган. По другому было никак. Сейчас, когда их не стало, обстановка в казарме стала морально более приемлемой.

В ту пору я всерьез рассматривал службу по контракту. В этот год уже убрали возможность переходить на контракт, проходя призывную службу. И знаете, я даже затрудняюсь ответить, что лучше, то, что я остался бы в части и продолжал служить, или же то, что я плюнул на это. Нет, в первое время я был настроен серьезно. Я прошел комиссию, мне дали воинское звание. В наряд я ходил дежурным по роте…

Время шло. Мы все научились ценить то малое, что у нас было, и то, что мы могли достать. Сигареты свою цену не теряли. Также как и сладости. Считалось большой удачей покурить раз десять за день, и при этом, еще и съесть какую-нибудь шоколадку. Однажды мы даже жарили ночью картошку в столовке, приправив ее грибами, которые нам удалось собрать в лесу, в чьем окружении находилась часть. Зачем мы это сделали? Все просто, нам хотелось разнообразия в пище, да и в повседневной жизни.

Лес. Да, сколько времени нам пришлось в нем провести. В паре километрах от части была железная дорога, и вот, каждую неделю мы чистили ее от снега лопатами. За это время я перекидал столько снега, что хватило бы завалить целый остров. У нашего прапорщика было очень интересное хобби. Когда он оставался на сутки дежурить в казарме, никто не спал. Взрывались кровати, ниши. Я имею ввиду, с кроватей слетало все, вплоть до матраса. А из ниши летели каски, противогазы, хим защита. И всю ночь этот жирный ублюдок заставлял нас мыть казарму, устраивая незапланированное ПХД.

Парко-хозяйственный день в армии, в нашей части – суббота, полный кошмар. Хотите узнать, как проводилась уборка? Отодвигалось все, что только возможно отодвинуть. В пластмассовые ванны мы теркой натирали мыло, заливали кипятком и щеткой размешивали содержимое. Пена летела через край, и ее разбрасывали и разливали по полу и стенам. И тогда кто щетками, кто тряпками, мы принимались все натирать. Отлынивать могли лишь те солдаты, кого направляли на стуки в наряд. Наряды были на узле связи, в казарме, в штабе. Самым лучшим был наряд патруля. Ходишь себе с рацией вдоль части со значком на груди, куришь в курилке и за зданиями. Именно так я нашел очень старое бомбоубежище – маленький бункер, снаружи выглядящий как почти развалившийся погребок. Там меня никто не видел, я спокойно курил и отлынивал от службы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.